

Р —
329229

п. Засодимекій. 9

Въ Крыму.

Москва. — Типография Т-ва И. Д. Сытина. — 1902 г.

П. Засорѣмскій.

329229

ВЪ КРЫМУ.

I

ГОРОДЪ СМЕРТИ И ВЕСЕЛЬЯ.

II

НА МОГИЛАХЪ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Валовая улица, свой дѣль.

МОСКВА. — 1902 г.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 марта 1902 года.

ВЪ КРЫМУ.

I

ГОРОДЪ СМЕРТИ И ВЕСЕЛЬЯ.

II

НА МОГИЛАХЪ.

ВЪ КРЫМУ.

(изъ письма къ другу).

Солнце, море, горы — прелесть!
Посмотри: земной здѣсь рай...
Почему же ты, пришелецъ,
Рвешься въ свой холодный край?..

Надо мною чудное южное небо. Горячіе солнечные лучи ласкають и нѣжатъ; отъ нихъ лицо мое горитъ, какъ отъ жгучихъ, страстныхъ поцѣлуевъ возлюбленной...

Передо мною разстилается море — то спокойное и блестящее, лазурное море, то темное, бушующее, грозное, — и въ эти минуты гнѣва оно съ бѣшенствомъ разбивается у моихъ ногъ о темную грудь прибрежныхъ утесовъ - великановъ, обдавая ихъ брызгами и ключьями бѣлой пѣны...

Стройные кипарисы высятся на берегу, надъ моремъ, и ихъ темные силуэты рѣзко обрисовываются на сіяющемъ небѣ. Тамъ, на склонѣ горы,

VI

поднимаются лавры, мирты, магноліи, пальмы; видны роскошные цвѣты, великолѣпныя розы — цѣлыя аллеи розъ...

Я люблюсь на всю эту роскошь и богатство Юга. Все тутъ ярко, блестяще, величественно. На каждомъ шагу волшебныя картины...

Но почему же эти живописныя виды не затрогируютъ моего сердца, не заставляютъ его сильнѣе биться? Почему отъ всѣхъ этихъ прелестей южной природы, отъ этихъ очаровательныхъ картинъ мысль моя такъ настойчиво, упорно рвется вдаль, туда, на сѣверъ, за эти горы? Почему мнѣ бываетъ такъ отрадно, когда вѣтеръ съ полуночи мнѣ вѣетъ въ лицо и это вѣяніе мнѣ кажется какъ бы лаской далекаго, милаго друга? Почему [ночью, въ часъ мечтаній и тихой грусти, я такъ пристально ищу на потемнѣвшемъ небѣ созвѣздіе Большой Медвѣдицы и другія, знакомыя съ дѣтства, ночныя свѣтила Сѣвера и — когда ихъ нахожу — подолгу, съ любовью смотрю на нихъ? Почему съ веселаго, роскошнаго Юга, блистающаго такими яркими красками, обвѣяннаго чудными ароматами, воображеніе уноситъ меня въ край холодный — въ бѣдный край

подъ блѣдно-голубыя небеса, къ убогимъ деревушкамъ съ соломенными стрѣхами, въ поля, волнующіяся колосистою рожью, въ луга съ мягкою шелковистою травой, пестрѣющей скромными цвѣточками, — съ морскихъ утесистыхъ береговъ, словно вздрагивающихъ отъ грохота прибоя, оно уноситъ меня на берегъ озера или ручья, медлительно текущаго подъ зеленой сѣнью ивъ и ольхъ, ведетъ въ затишье лѣса — въ его тѣнистые уголки? Почему?..

Городъ смерти и веселья.

Ялта — чудный, благодатный уголокъ.

Она пріютилась на берегу теплаго моря. Отъ нашихъ суровыхъ сѣверныхъ вѣтровъ защищаютъ ее горы, то покрытыя лѣсомъ, то поднимающіяся обнаженными каменными громадами, которыя въ одну изъ катастрофъ, пережитыхъ нашею планетою, силою огня были высоко выдвинуты, выброшены на поверхность земли, да такъ съ тѣхъ поръ и стоятъ, какъ грандіозные памятники нѣкогда совершавшихся на землѣ переворотовъ...

Въ Ялтѣ не бываетъ зимы. Небо надъ нею большую часть года ясно, безоблачно, сіяетъ по весеннему. Въ ней почти круглый годъ цвѣтутъ цвѣты. Еще въ половинѣ октября въ ея садахъ расцвѣтаютъ пармскія фіалки. Южная растительность ея роскошна.

Стройные кипарисы, мирты, лавры, крымскія сосны, тополя и другія деревья такъ разнообразны по оттѣнкамъ своей зелени и кажутся такъ поэтичны на фонѣ горныхъ далей, подернутыхъ синевато-прозрачною дымкой, что сами такъ и просятся на полотно.

Лѣтомъ въ жаркую пору Черное море, — въ то время «лазурное море», — вѣетъ, дышитъ на Ялту прохладой и глумѣряетъ зной горячихъ солнечныхъ лучей.

По своему мѣстоположенію, по красотѣ природы, по богатству своей растительности, по своему дивному климату, южный берегъ Крыма вообще и Ялта въ частности, дѣйствительно, могутъ быть названы жемчужиной имперіи Россійской. Да! Но...

I.

Я попалъ въ Ялту въ половинѣ сентября, въ самый разгаръ сезона. «Сезономъ» въ Ялтѣ называется время (приблизительно) съ 15 августа и до 15 октября. Приѣзжаютъ въ Ялту и въ апрѣлѣ, и въ маѣ, но это — первыя ласточки, и онѣ «сезона не дѣлаютъ». Въ іюнѣ и іюлѣ сюда наѣзжаютъ

учащіеся — студенты, курсистки, также учительницы, учителя, вообще людъ, дорожащій рублемъ, но желающій повидать Крымъ, провести время отъдыха въ здоровомъ климатѣ, погрѣться въ лучахъ южнаго солнца, покупаться въ тепломъ морѣ, полазять по горамъ и полюбоваться на всѣ прелести южнаго берега Крыма. Они также «не дѣлають сезона».

Эти лѣтніе туристы по большей части — молодые люди, неизбалованные, неприхотливые, не нуждающіеся въ особенномъ комфортѣ для того, чтобы чувствовать себя въ жизнерадостномъ настроеніи. Они нанимають сообща небольшую, дешевую комнату, въ рестораны не заходятъ, ни шелковыхъ восточныхъ издѣлій, ни дорогихъ побрякушекъ-бездѣлушекъ не покупають, для прогулокъ въ горы ни татарь-проводниковъ, ни извозчиковъ не берутъ, но предпочитаютъ странствовать пѣшкомъ, либо ѣздить на линейкахъ здѣшняго Горнаго Клуба или на линейкахъ, содержимыхъ частной компаніей.

Ялтинцамъ, жаждущимъ наживы, мало интереса отъ этихъ туристовъ, и ялтинцы, начиная съ чистильщиковъ сапогъ и до дачевладѣльцевъ, смотрять на нихъ довольно равнодушно и въ лучшемъ случаѣ

относятся къ нимъ такъ, какъ при безрыбьи относятся къ раку.

Въ это время нравственная атмосфера Ялты чиста и ясна — такъ же, какъ ясны надъ нею сіяющія голубыя небеса. Въ это время Ялта болѣе, чѣмъ когда-нибудь, похожа на настоящій курортъ и представляетъ собою спокойное мѣстечко. Люди въ ту пору живутъ въ ней еще — сравнительно — безмятежно. Аппетиты ялтинцевъ еще дремлютъ въ ожиданіи «сезона»; извозчики, развалившись на козлахъ своихъ шикарныхъ колясочекъ, лѣниво посматриваютъ по сторонамъ; приказчики въ магазинахъ съ дамскими бездѣлушками позѣвываютъ, смотря на набережную и на лазурную пустыню моря; татары-проводники бездѣйствуютъ...

А туристы той порой смѣняютъ другъ друга и, поживъ въ Ялтѣ недѣли три-четыре, побывавъ въ Алупкѣ, на скалѣ Айвазовскаго, въ Ласточкиномъ Гнѣздѣ, (небольшая дача — съ балкономъ, нависшимъ надъ моремъ на страшной высотѣ), осмотрѣвъ Гурзуфъ, Инкитскій садъ, Массандры, Ореанду, слазивъ на Ай-Петри и къ водопаду Учань-су, опять улетаютъ на сѣверъ, каждый къ своему дѣлу. Впро-

чемъ, нѣкоторые изъ нихъ, люди свободные и средствами остаются и на «сезонъ».

* * *

Съ половины пли, вѣрнѣе, съ конца августа начинается наплывъ иной публики, «сезонной», и тутъ ужъ поднимается музыка совершенно изъ другой оперы, — даже не изъ оперы, а изъ шансонетки — на мотивъ: «Пифъ — пафъ, тру-ля-ля!»

Въ сентябрѣ публики собираются уже тысячи...

Тутъ ялтинцы ошлвають и, позабывъ всякую совѣстливость, начинаютъ обирать прїѣзжихъ гостей. Они оправдываются тѣмъ, что только «сезономъ» и живутъ; поэтому они находятъ себя въ правѣ впервой «лунить» съ прїѣзжихъ, каждый въ сферѣ своей дѣятельности: дачевладѣльцы, квартиросодержатели, лавочники, извозчики, содержатели отелей, ресторановъ, прачки и т. д.

Номеръ въ гостиницѣ, обыкновенно стоящій въ сутки 2 или 2 руб. съ полтиной, въ сезонъ идетъ за 5— за 6 р. и дороже, а за 2 р. 50 к. можно получить лишь мансарду, то-есть, попросту говоря, чердакъ, наскоро приспособленный для. житья. Въ

частномъ домѣ комнатка, которой красная цѣна даже и въ Ялтѣ рублей 20 въ мѣсяць, часто сырая и холодная, съ плохенькой обстановкой, скудно меблированная, обязательно со сквознымъ вѣтромъ, а иногда и съ мышами въ придачу, стоитъ въ это время 40 р. Если же при этой комнатенкѣ еще случится — на грѣхъ — крохотный балкончикъ, тогда цѣна ей доходить до 50 и до 60 руб., хотя бы на балкончикѣ нельзя было съ удобствомъ ни встать, ни сѣсть и лишь съ трудомъ можно пошезелиться. Если же ошеломленный наниматель замѣтитъ: «однако, какъ дорого!» то хозяйка сейчасъ же представитъ ему резонное возраженіе:

— Помилуйте! Что за дорого! Съ балкона такой чудесный видъ! Балконъ прямо — въ садъ... Не выходя изъ дому, вы можете любоваться «видомъ» и дышать чистымъ воздухомъ. Чего жъ еще!

И съ балкона, дѣйствительно, съ одной стороны, видна часть горы, а съ другой, перегнувшись черезъ перила и повернувъ голову такъ, чтобы только не свихнуть шею, можно увидать и клочокъ моря.

Нѣсколько необходимыхъ коментаріевъ — по поводу «сада» и «чистаго» воздуха:

«Садомъ» въ Ялтѣ иногда называются два-три жалкихъ, запыленныхъ кипариса, два-три заморенныхъ тополя и нѣсколько кустарныхъ растений. Это небольшое пространство земли передъ домомъ отгорожено отъ сосѣднихъ владѣній каменной стѣнкой или рѣшеткой, совершенно лишено травы и усыпано мелкимъ камнемъ. Иногда этотъ «садъ» украшается развѣщеннымъ для просушки бѣльемъ; онъ же служитъ мѣстомъ для вытряхиванья юбокъ и другихъ частей женскаго туалета, вообще же для выколачиванія пыли, и этотъ несчастный садъ бываетъ до того загрязненъ, загаженъ кошками и собаками, до того напоминаетъ парголовскія дачи, что, просто, смотрѣть тошно.

Здѣшнія хозяйки — хорошіе психологи: при сдачѣ квартиры или комнаты онѣ уже знаютъ, чѣмъ можно подкупить нанIMATEЛЯ, и главнымъ образомъ, разглагольствуютъ о чистомъ воздухѣ, а, между тѣмъ, чистый воздухъ въ Ялтѣ — вещь довольно проблематичная.

Изъ числа весьма разнообразныхъ уличныхъ запаховъ въ Ялтѣ первое мѣсто, безспорно, занимаетъ запахъ жжеными перьями. Почему это? я, право,

не знаю. Запахъ, конечно, невредный, но нельзя сказать, чтобы особенно пріятный и чтобы онъ способствовалъ чистотѣ воздуха.

* * *

Комната немного получше описанной — побольше, съ болѣе удобной обстановкой, съ балкономъ приличныхъ размѣровъ, съ котораго, дѣйствительно, открывается прекрасный видъ на море и на горы, но, быть-можетъ, такая же сырая и холодная, со сквознякомъ и съ мышами, стоитъ въ Ялтѣ отъ 75 до 100 руб. въ мѣсяць.

Вообще, побывавшему въ Ялтѣ жизнь въ заграничныхъ отеляхъ, на курортахъ, покажется крайне дешевою.

Въ Карлсбадѣ, напр., комната въ отелѣ больше 75-тирублевой ялтинской комнаты, съ лучшей обстановкой, съ большими удобствами, безъ сквозняковъ и безъ непріятныхъ запаховъ стоитъ 50 руб. Въ Виши я могу получить вполне приличную комнату съ полнымъ пансіономъ (чай, кофе, завтракъ, обѣдъ, съ виномъ и фруктами — даже съ земляни-

кой со сливками!) *) за 90 руб. Въ Ялтѣ все это стоило бы, по меньшей мѣрѣ, рублей полтора и было бы, по меньшей мѣрѣ, вдвое хуже. О Швейцаріи и говорить нечего... Въ Швейцаріи я могу устроиться еще дешевле: за полтора рубля въ день я могу тамъ получить комнату съ полнымъ содержаніемъ.

А русскихъ людей еще обвиняютъ за то, что они, пренебрегая своими отечественными курортами, тащатся чортъ знаетъ куда — за тридевять земель въ тридесятое какое-нибудь швейцарское или французское государство...

II.

329229

Ялта официально — городъ, но въ дѣйствительности городомъ по праву могутъ считаться лишь Набережная, да двѣ-три улицы, примыкающія къ ней или по сосѣдству съ нею. Остальная же Ялта, хотя въ ней тамъ и сямъ разбросано немало изящныхъ, кокетливыхъ дачекъ и другихъ красивыхъ зданій, все еще напоминаетъ собою татарскую деревню, какою она была лѣтъ 60 тому назадъ.

*) Въ Ялтѣ не всякій полакомится земляникой: фунтъ ея стоитъ здѣсь отъ 30 к. лѣтомъ и до 1 р. 50 к. въ „сезонъ“.

Все вниманіе мѣстныхъ обывателей и городского управленія обращено на Набережную. На этой улицѣ «роскоши, моды, лоретокъ и баръ» — лучшіе отели, самыя шикарныя рестораны, магазины съ дамскимъ тряпьемъ и съ различными бездѣлушками; на нее выходитъ Александровскій скверъ съ площадкой для игры въ лаунъ-тенисъ, и городской садъ съ трескучей, бравурной музыкой, такъ и подмывающей горничныхъ и кухарокъ пуститься въ плясъ. На этой же улицѣ стоятъ извозчики, расхаживаютъ татары-проводники, всегда готовые съ предложеніемъ услугъ, и прогуливается и флиртуетъ пріѣзжіи и мѣстный beau monde.

Набережная освѣщается электричествомъ, а остальные улицы по вечерамъ остаются въ полумракѣ и пѣшеходамъ предоставляется возможность сталкиваться и, за недостаткомъ уличныхъ фонарей, подставлять фонари другъ другу подъ глазами. Набережная всячески прихорашивается, метется и подчищается по нѣскольку разъ въ день, въ засухи она поливается; тротуары на ней ровные, широкіе. Въ остальной Ялтѣ можно встрѣтить на улицахъ нечистоты, улицы не всегда поливаются, а въ дожд-

ливую пору ихъ мостовая превращается въ сплошную лужу грязи; тротуары здѣсь узки, съ выбоинами, и иногда проваливаются; такъ, не особенно давно на Екатерининской улицѣ провалился тротуаръ, — вмѣстѣ съ нимъ провалилась и барыня, въ ту пору проходившая по немъ.

При этомъ должно замѣтить, что запахъ жженныхъ перьевъ, о которомъ я уже упоминалъ, еще не изъ худшихъ запаховъ, какими потчуетъ Ялта своихъ прїѣзжихъ гостей. Запахъ кухонь, конюшенъ, хлѣбовъ и др. зловонія мѣстами совсѣмъ заглушаютъ на улицахъ запахъ цвѣтовъ и всякой растительности. Я не говорю о старомъ городѣ, сохранившемъ еще свой первобытный характеръ, или о какихъ-нибудь закоулкахъ, гдѣ ютится бѣдность. Нѣтъ, я говорю о новой Ялтѣ, объ улицахъ, считающихся лучшими...

Бродячія собаки стаями бѣгаютъ по городу, забѣгаютъ даже и въ такія мѣста, какъ паркъ Эрлангера, гдѣ почти на каждомъ поворотѣ дорожки на столбахъ крупными буквами значится: «Водить собаку въ паркъ Эрлангера *воспрещается*». И это воспрещеніе вполне умѣстно, такъ какъ дѣти иногда

въ паркѣ гуляютъ одни и заходятъ большыя, нуждающіеся въ покоѣ и тишинѣ. Но собаки безпрепятственно проникаютъ въ паркъ (можетъ-быть, гуляющіе водятъ ихъ съ собой?) и посреди аллеи поднимаютъ такую жестокую грызню, подъ аккомпанементъ неумолкаемаго лая, воя и визга, что ходить въ паркѣ въ это время становится небезопасно—не только дѣтямъ, но и взрослымъ, потому что въ такой бѣшеной собачьей свалкѣ, какъ известно, достаточно только одной собакѣ броситься на человѣка, чтобы и вся стая вцѣпилась въ него.

А, между тѣмъ, паркъ Эрлангера, Гюзель Теппе, такъ хорошъ, такъ живописенъ, со множествомъ такихъ уютныхъ уголковъ, и къ тому же это едва ли не единственное въ Ялтѣ, доступное публикѣ убѣжище, гдѣ больному и здоровому можно подышать чистымъ воздухомъ, почитать, полюбоваться видомъ на море, на горы и вообще спокойно отдохнуть вдали отъ уличной трескотни, отъ ялтинской музыки и разряженной, болтающей толпы великосвѣтской и буржуазной черни...

III.

Съ конца августа, какъ уже сказано, въ Ялту начинаютъ съѣзжаться «сезонные» гости, и приливъ ихъ заканчивается лишь въ половинѣ сентября.

Въ эту пору на Набережной — въ послѣобѣденное время — можно встрѣтить и княжну Зизи, и княжну Мими и ихъ кузена, князя Шелопаева-Болтаева, присматривающаго себѣ богатую невѣсту, такъ какъ послѣдній клочокъ его имѣній недавно проданъ дворянскимъ банкомъ сыну г. Колупаева; тутъ же можно встрѣтить и московскую купчиху съ дочерьми, которыхъ она «вывозитъ» уже нѣсколько зимъ подъ рядъ и не можетъ сбыть съ рукъ, какъ залежалый товаръ, за что на нее и ворчитъ ея Кить Китьчъ; можно встрѣтить и купчиковъ, швыряющихъ лишнія «тыщи» и отставныхъ генераловъ, — которыхъ здѣсь бываетъ такъ много, что — по словамъ одного моего знакомаго — за полтора рубля двухъ генераловъ даютъ...

Въ значительномъ количествѣ здѣсь встрѣчаются тоже соскучившіяся въ одиночествѣ вдовушки и дамы, «разошедшіяся» съ мужьями, и пожилыя

барыни, страдающія нервами (либо бѣсящіяся съ жиру, — неспециалисту трудно разобратъ), но во всякомъ случаѣ ищущія сильныхъ ощущеній и жаждущія пережить вновь волненія и восторги второй (а иногда и третьей) молодости. Встрѣчаются и барышни, нуждающіяся въ татарахъ - проводникахъ, (злые языки утверждаютъ, что онѣ ради Маметовъ и въ Крымъ-то собственно пріѣзжаютъ); встрѣчаются и всевозможные искатели и искательницы приключеній, и французенки въ кричащихъ туалетахъ, и пшиоты въ желтыхъ туфелькахъ, и восточные человѣки въ національныхъ костюмахъ.

Однимъ словомъ, «смѣсь одеждъ и лицъ, племень, нарѣчій, состояній», такая пестрая смѣсь, что отъ нея можетъ въ глазахъ зарябить.

И эта публика — пестрая по внѣшности, но по степени развитія интеллекта довольно однородная — приноситъ съ собой свойственную ей атмосферу пошлости, тщеславія, нравственной разнузданности и всяческаго распутства *). А Ялта въ свою оче-

*) Конечно, и во время „сезона“ иные пріѣзжаютъ не для кутежа, но для того, чтобы отдохнуть и полюбоваться на прелесть южнаго берега Крыма, но такихъ туристовъ — самое ничтожное меньшинство.

редь готова къ услугамъ «сезонной» публики, ибо услуги ея щедро оплачиваются.

Ялта превращается въ *café chantant*.

Музыка гремитъ и въ городскомъ саду, и въ гостинницѣ «Россія», иногда и въ Александровскомъ скверѣ, (гдѣ устраиваются народныя гулянья съ платою по 50 коп. за входъ. Видно, богатъ ялтинскій народъ!). Кромѣ того, изъ раскрытыхъ оконъ дачъ тамъ и сямъ доносятся звуки рояля, — и слышно, какъ сладко заливается теноръ или баритонъ и повизгиваетъ сопрано. Много здѣсь музыки и пѣнія...

Ялтинцы ликуютъ и потираютъ руки. Теперь на ихъ улицѣ праздникъ. Давно желанный «сезонъ» насталь!..

Извозничьи коляски мчатся по Набережной. Отели, дачи, самыя гнусныя каморки биткомъ набиты. Рестораны полны, — тамъ ѣдятъ, пьютъ, кутятъ. Въ галантерейныхъ, бакалейныхъ, фруктовыхъ и др. магазинахъ толкуются покупатели, — и въ это время всякая залежалая дрянь быстро раскупается. Барышни и дамы ѣдутъ съ татарами въ горы на экскурси или въ сопровожденіи кавалеровъ шатаются взадъ и впередъ по Набережной, заглядывая въ окна

магазиновъ и стрѣляя глазами въ мужчинъ. Около купалень булькаются въ морѣ дамы и мужчины, разумѣется, въ костюмахъ, *подчеркивающиѣ* именно то, чему слѣдовало бы оставаться скрытымъ.

Этой «сезонной» публикѣ въ сущности нѣтъ никакого дѣла до природы, до живописныхъ мѣстоположеній и поэтическихъ красотъ. Эта публика гуляетъ по Набережной, по Александровскому скверу, въ городскомъ саду «на музыкѣ», болтаетъ и занимается флортомъ, то-есть продѣлываетъ и здѣсь то же самое, что на Тверской, на Кузнецкомъ Мосту, на Большой Морской, на Невскомъ... А если она и ѣздитъ въ горы, туда и сюда, то отчасти потому, что туда ѣздила «княгиня Марья Алексѣвна», а отчасти для того, чтобы зимою на *jour fixe* у своихъ знакомыхъ кстати рассказать о томъ, «ахъ! какой чудный видъ съ Ай-Петри!» и т. д.

Во время сезона встрѣчается въ Ялтѣ и не мало курьезовъ, поражающихъ всякаго свѣжаго человека...

Въ Александровскомъ скверѣ, на площадкѣ, играютъ въ лаунъ-теннисъ... Молодой человекъ, вѣроятно, одѣтый по послѣдному слову моды, — въ

бѣлой шляпѣ, въ бѣломъ костюмѣ, въ бѣлыхъ туфляхъ, съ изступленнымъ видомъ перебрасываетъ мячъ, вертится, прыгаетъ, скачетъ на одной ногѣ, всей своей особой чрезвычайно напоминая субъекта, убѣжавшаго изъ дома умалпшенныхъ... Или вотъ еще молодой человѣкъ, — также, повидимому, одѣтый по послѣднему слову моды, въ черной тужуркѣ и въ бѣлыхъ нитанахъ какого-то необыкновеннаго покроя; получается такой видъ, какъ будто милый юноша ради оригинальности вышелъ на прогулку въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, натянувъ на плеча лишь «спинжакъ»... Полная иллюзія!.. Или вотъ идетъ дама въ чудовищной шляпѣ, въ бѣломъ платьѣ и, разумѣется, въ бѣлыхъ туфляхъ, — идетъ по чисто выметенному, сухому тротуару Набережной и для чего-то поднимаетъ сбоку платье такъ высоко, что видны всѣ ея длинные черные чулки; такой импровизированный костюмъ напоминаетъ опереточную «la Belle Helene», (только черные-то чулочки ужъ вовсе не гармонируютъ съ представленіемъ объ Еленѣ Прекрасной).

Конечно, пошлости, тщеславія, разврата, всякихъ дурачествъ и чудачествъ въ Москвѣ, напр., или въ

Петербургъ не меньше, чѣмъ въ Ялтѣ. Но тамъ, въ большихъ городахъ, они, такъ сказать, расплываются, ступшевываются, не такъ бросаются въ глаза и поэтому не такъ сильно возмущаютъ нравственное чувство. Въ Ялтѣ же, на маленькомъ клочкѣ земли, концентрируясь, какъ въ фокусѣ, они уже прямо внушаютъ къ себѣ отвращеніе, бьютъ по нервамъ...

* * *

Нѣкоторые строгіе блюстители порядка и благочинія сочиняютъ цѣлыя филиппики противъ ялтинскихъ татаръ «проводниковъ» и даже не прочь рекомендовать насильственные мѣры для удаленія ихъ. Но эти почтенные цензоры нравственности стрѣляютъ не въ цѣль...

Татары-проводники, безъ сомнѣнія, явлеше нежелательное. Но, вѣдь, корень-то зла вовсе не въ нихъ. Появленіе ихъ вызвано «спросомъ». Не будь спроса, не было бы и предложенія. Если бы безстыжія искательницы приключеній, наѣзжающія въ Ялту, не бѣгали за ними, не обращались къ ихъ услугамъ, то Маметы и безъ всякихъ репрессивныхъ мѣръ исчезли бы съ Набережной. Но ихъ спраши-

вають, ихъ ищутъ, въ услугахъ ихъ нуждаются, «услуги» ихъ иногда очень щедро оплачиваются. Почему же мы отъ крымскихъ татаръ можемъ ожидать и требовать героизма, когда мы его не требуемъ отъ нашихъ согражданъ, болѣе обеспеченныхъ матеріально и болѣе развитыхъ умственно!..

И случается, что татары-проводники наживаются щѣбля состоянія отъ прогулокъ въ горы съ дамами, накупаютъ земли, заводятъ виноградники и подъ старость живутъ рантьерами — безъ печалей и заботъ, рассказывая пріятелямъ подъ веселый часъ о своихъ подвигахъ, какъ о дѣлахъ «давно минувшихъ дней».

«Сезонная» публика развратила не только татаръ, но и вообще низшій слой ялтинскаго населенія (да и не одинъ низшій слой, но всѣхъ, кому случается приходиться въ соприкосновеніе съ нею), — развратила и своимъ дурнымъ примѣромъ и швырянемъ денегъ. Легкій заработокъ пріучаетъ людей не дорожить деньгами... Если, напр., ялтинскому «человѣку» дать на чай двугривенный за какую-нибудь ничтожную услугу (ну, хоть за переноску небольшого чемодана изъ экипажа въ подъездъ, на что требуется не болѣе 5 минутъ), то онъ, разумѣется, возьметъ

эту презрѣнную монету, но опустить ее въ карманъ съ явно недовольнымъ, разочарованнымъ видомъ. (Деревенская баба на мойкѣ, при суконной фабрикѣ, получаетъ 18 коп., работая съ 5 ч. утра до 8 вечера).

«Сезонная» же публика вызвала появленіе на ялтинскихъ улицахъ профессиональныхъ маленькихъ попрошаекъ. Одинъ мальчикъ, напр., уже довольно извѣстный въ Ялтѣ, у проходящихъ просить денегъ «на краски». Если бы этотъ «художникъ» на тѣ деньги, какія онъ выманилъ у публики, накопилъ красокъ, то могъ бы торговать ими. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, обыкновенно, идутъ или стоятъ въ сторонѣ два-три мальчугана, одѣтыхъ такъ, что издали или въ сумерки ихъ можно принять за гимназистовъ. Очевидно, они составляютъ одну шайку, а держатся въ сторонкѣ для того, чтобы при неблагоприятномъ оборотѣ дѣлъ можно было улизнуть...

Въ средѣ «сезонной» толпы, блестящей по внѣшности, посреди живыхъ, роскошныхъ декорацій, созданныхъ природой — разыгрывается въ Ялтѣ не мало тяжелыхъ драмъ и фарсовъ, но эти драмы и фарсы такъ отвратительно-циничны, такъ грязны, что даже и писать о нихъ не охота.

IV.

Довольно, наконецъ, говорить о прелестяхъ Илты, о дивныхъ, восхитительныхъ декораціяхъ этого «благословеннаго уголка». Довольно говорить о «ликующихъ, [праздно болтающихъ], кутящихъ и погружающихся въ самый отчаянный развратъ. Надо заглянуть и на обратную сторону изящной медали...

Посреди разряженной, веселой толпы, ищущей наслажденій, занятой лишь собой, фланирующей по ялтинскимъ улицамъ, наполняющей рестораны и мѣста гуляній — слышится порою, какъ *memento mori*, сухой отрывистый кашель... характерный кашель, памятный тѣмъ, кому приходилось знать чахоточныхъ. Подъ синимъ небомъ, подъ яркимъ солнцемъ, посреди зелени и цвѣтовъ, въ этой беззаботной, празднично настроенной толпѣ встрѣчаются люди съ блѣдными лицами землистаго оттѣнка, не загорающими даже и подъ огнемъ южнаго солнца, — люди, съ глубоко впавшими щеками и съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ. Ихъ блѣдныя, безкровныя лица, ихъ задумчивый, сумрачный, иногда

недовольный, раздраженный видъ больно рѣжетъ глаза и приводитъ въ смущенье на этомъ праздникѣ жизни, среди всеобщаго оживленія и веселья.

Поразительный контрастъ... Веселье и страданіе, аромать цвѣтовъ и запахъ тлѣнья, шумная, бѣшеная оргія и — смерть... Веселая, сытая, праздная толпа, разгуливающая подъ звуки бравурной, захватской музыки — и посреди нея живые мертвецы... Надъ всѣмъ этимъ южное голубое небо, яркое солнце, свѣтъ и блескъ; съ одной стороны разстилается море лазурное, съ другой — рисуются живописныя очертанія горъ на золотисто-розовомъ фонѣ заката; видны темныя силуэты стройныхъ кипарисовъ; въ садахъ пестрѣютъ алыя и бѣлыя розы, — и вѣтерокъ проникнуть ихъ нѣжнымъ благоуханіемъ... Красивый смуглый татарченокъ предлагаетъ наряднымъ дамамъ и кавалерамъ букеты цвѣтовъ...

Иной больной идетъ, какъ будто, еще довольно бодро, но при подъемѣ хотя бы на небольшую возвышенность замедляетъ шагъ и останавливается, чтобы перевести дыханіе. Другой съ трудомъ тащится, едва волоча ноги, опираясь на палку или

на зонтикъ. Иной сидитъ на скамейкѣ и кашляетъ, кашляетъ, и слышно, какъ у него, у бѣднаго, надрывается грудь; другой сипитъ, хрипитъ и не можетъ отхаркнуть мокроты. Больной, уже совсѣмъ слабый, полулежитъ въ креслѣ, выкаченномъ въ садъ. Иной въ самое теплое время дня сидитъ на солнцепекѣ, но и солнце, горячее южное солнце, уже не согрѣваетъ его холодную кровь. Онъ кутается въ пледъ...

На лицахъ этихъ людей написано страданье, — желаніе покоя и въ то же время какая-то тайная тревога, страхъ и тоска по отлетающей жизни...

Между этими несчастливцами попадаютъ люди всякаго возраста, всякихъ званій и состояній, мужчины и женщины, богатые и бѣдные, — бѣдныхъ большинство.

Страдая, притащились они сюда, страстно жаждая исцѣленія, ища покоя, отдыха, тишины, — и вдругъ очутились на какомъ-то праздничномъ пиру, посреди людей, дышащихъ весельемъ, танцующихъ, поющихъ и совсѣмъ захмелѣвшихъ отъ избытка чувственныхъ наслажденій. Они, какъ незваные, непрошеные гости, появляются въ блестящей, жизнерадостной

толиѣ и страшными, зловѣщими призраками бродятъ посреди нея.

Люди, пріѣхавшіе въ Ялту пожуировать, съ кн-слымъ, недовольнымъ видомъ посматриваютъ на блѣдныхъ пришельцевъ, явившихся какъ бы для того, чтобы омрачить ихъ веселое, самодовольное настроеніе. Они сторонятся отъ больныхъ, дѣлаютъ видъ, что не замѣчаютъ ихъ и бываютъ очень рады, что музыка заглушаетъ этотъ противный кашель. Они даже чувствуютъ себя какъ бы обиженными появленіемъ больныхъ.

Имъ непріятно, что эти блѣдныя или желтыя лица, какъ у покойниковъ, напоминаютъ имъ о страданіяхъ, о смерти, объ ожидающемъ ихъ тѣсномъ, темномъ гробѣ. А они, между тѣмъ, изо всѣхъ силъ хотятъ упиваться радостями жизни — по своему вкусу, хотятъ упиться жизнью и пьютъ ее, захлебываясь, большими глотками, пьютъ съ жадностью, но утолить жажду не могутъ, и чѣмъ долѣе пьютъ, тѣмъ краше и милѣе, тѣмъ заманчивѣе дѣлается для нихъ чаша жизни, тѣмъ труднѣе имъ оторваться отъ нея... «И къ чему, зачѣмъ напоминація о томъ, что человекъ всю жизнь, словно съ завязанными

глазами, бродить по краю бездны? Сколько ни смотри въ эту бездну, сколько ни вглядывайся въ ея тьму, тамъ ничего не видно, ничего оттуда не слышно... Такъ не лучше ли же «безъ тоски, безъ думы роковой», разомъ, не ждано, не гадало, сорваться съ кручи и полетѣть въ эту бездну вѣчнаго мрака и безмолвія!..» Такъ думаютъ эти люди, — и больные имъ нѣсколько мѣшаютъ, отравляя ихъ безмятежное существованіе.

Они находятъ, что *такимъ* больнымъ мѣсто въ больницахъ, въ санаторіяхъ, а вовсе не здѣсь — на этомъ пышномъ пиршествѣ, передъ лицомъ сіяющей, ликующей природы. «Во время холеры и другихъ страшныхъ эпидемій хоронятъ же покойниковъ ночью, втихомолку, безъ колокольнаго перезвона — для того, чтобы не производить тяжелаго впечатлѣнія, не нагонять на публику унынія...» — разсуждаютъ они.

Они, эти дамы и кавалеры, пріѣхали сюда поселиться, а на нихъ наводятъ грусть. Обидно, досадно!.. Но они забываютъ, что Ялта именно и нужна этимъ блѣднымъ людямъ: для этихъ-то людей преимущественно, какъ прекрасная санаторія (если организовать ее на разумныхъ началахъ), она

и должна существовать. А для нихъ — для здоровыхъ, для богатыхъ и весело живущихъ — выставки тщеславія вездѣ открыты, вездѣ они могутъ затѣять свою оргію разврата — и въ Москвѣ и въ Петербургѣ; кутить, прожигать жизнь они могутъ во всякомъ шикарномъ ресторанѣ, у Яра, у Кюба, на заграничныхъ курортахъ, въ Парижѣ, въ Монако...

Здоровымъ не только непріятно смотрѣть на больныхъ, но они и боятся ихъ, избѣгаютъ ихъ, сторонятся, опасаются, какъ бы не заразиться. Опасеніе вполне основательное. Немногіе больные плюютъ въ стеклянные флакончики; большинство же изъ нихъ на улицахъ, въ паркахъ, въ садахъ — плюютъ куда ни попало, — и дамы на своихъ шлейфахъ и вся публика вообще на обуви разноситъ повсюду частицы свѣжей или засохшей мокроты, разноситъ по отелямъ, по ресторанамъ, по дачамъ. Кромѣ того, ялтинскіе хозяева не настолько откровенны, чтобы сказать нанимателю, что въ сдаваемой ему квартирѣ или комнатѣ только что умеръ или жилъ чахоточный. А на какой дачѣ въ Ялтѣ не жила такихъ больныхъ?

Намъ сердито возражать ялтинцы: что изъ того, что въ комнатѣ жилъ или умеръ больной? А дезинфекція на что? А санитарный надзоръ?.. Въ параграфѣ 16 обязательныхъ постановленій предписывается: «Помѣщеніе, въ которомъ умеръ больной, дезинфицировать по указанію санитарнаго врача...» Постановленіе прекрасное!.. «Для дезинфекціи платья, носильнаго и постельнаго бѣлья существуетъ паровая дезинфекціонная камера...» Отлично!

Но вѣдь только человѣкъ ужъ слишкомъ наивный (человѣкъ, можно сказать, не отъ міра сего) можетъ успокаивать себя тѣмъ, что всѣ правила, циркуляры, предписанія и обязательныя постановленія (относительно общественнаго здравія) исполняются на практикѣ въ точности, строго и неуклонно. А что жъ говорить объ ялтинскомъ - санитарномъ надзорѣ и дезинфекціи, когда люди только и думаютъ о наживѣ, объ эксплуатаціи, не принимая въ расчетъ благополучія, здоровья и жизни ближняго. Ялтинскимъ дачевладѣльцамъ нуженъ только лишній рубль — и болѣе ничего. Они знаютъ только рубль и ничего болѣе знать не хотятъ...

И какая рѣчь тутъ можетъ быть о дезинфекціи и чему поможетъ санитарный надзоръ, если чахоточные, бродя по всей Ялтѣ, отхаркиваютъ мокроту направо и налево! «Дезинфекція», «санитарный надзоръ» и тому подобныя утѣшительныя выраженія по отношенію къ Ялтѣ лишь одни слова, слова и слова.

Нѣтъ ничего легче, какъ заразиться въ Ялтѣ туберкулезомъ.

* * *

Больные иногда на послѣдніе гроши ѣдутъ въ Ялту. Отовеюду, изъ всѣхъ уголковъ земли русской, эти бѣдняги стремятся сюда въ надеждѣ исцѣлиться отъ снѣдающаго ихъ рокового недуга. Денежныя затрудненія, утомленіе дальняго пути, разлука съ родными, съ близкими, — все нипочемъ, все приносится въ жертву, лишь бы добраться до южнаго берега Крыма, лишь бы дохнуть его теплымъ, чудодѣйственнымъ воздухомъ. Они уже столько слышали про то, что крымскій воздухъ творитъ чудеса, что только мертвыхъ не воскрешаетъ, что опасно больные, почти умиравшіе, истекавшіе кровью, измученные лихорадками, съ трудомъ доведенные до

Крыма, тамъ поправлялись и уѣзжали домой здоровыми, бодрыми и сильными, и послѣ того еще долго «жили — поживали, да добра наживали», какъ говорила моя няня, сказывая мнѣ по вечерамъ сказки.

И всѣ эти чающіе, ожидающіе исцѣленія, мечтающіе о поправленіи своихъ легкихъ, о приостановкѣ процесса разрушенія — тянутся сюда съ дальняго сѣвера, съ востока и запада, хватаясь за Ялту, какъ утопающій за соломенку.

Такъ, одни сюда мчатся за наслажденіемъ прелестями южной природы или за низменными, скотскими наслажденіями, а другіе стремятся сюда за здоровьемъ, за жизнью...

Но что же эти гоняющіеся за жизнью находятъ въ Ялтѣ?

Болѣе, чѣмъ равнодушіе и холодность со стороны окружающихъ.

Каждый, съ кѣмъ имъ приходится имѣть дѣло, смотритъ на нихъ, какъ на свою неотъемлемую добычу, какъ на предметъ наживы. Хозяева квартиръ, лавочники, содержатели отелей и ресторановъ, извозчики, прислуга, прачка, дворникъ, — всѣ только и думаютъ о томъ, какъ бы побольше отъ нихъ

поживиться, — и всё ихъ обираютъ. При такихъ условіяхъ было бы совершенно напрасно взывать о жалости, о состраданіи къ этимъ несчастнымъ, которымъ такъ хочется еще пожить и которые сами видятъ, чувствуютъ, что жизни въ нихъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ стаеъ все меньше-меньше, что огонекъ догораетъ; въ то же время они ясно сознаютъ, что здѣсь на нихъ смотрятъ, какъ на предметъ эксплуатаціи, что до ихъ здоровья и жизни нѣтъ никому дѣла... Вѣдь ялтинцы прямо заявляютъ, что они живутъ лишь тѣмъ, что выручатъ въ осенніе мѣсяцы. Ну, и дерутъ они направо и налево, дерутъ со здороваго и съ больного, съ богатаго и бѣднаго...

Такъ, рассказываютъ, встарину жители нѣкоторыхъ приморскихъ мѣстностей созидали свое благополучіе на несчастіи другихъ, пользуясь для своего обогащенія кораблекрушеніями, происходившими у ихъ береговъ во время бурь, (вылавливали или, попросту, грабили вещи погибшихъ или погибавшихъ пассажировъ), причемъ доходило даже до убійства потерпѣвшихъ крушеніе и выброшенныхъ на берегъ еще живыми...

Въ Ялтѣ самая тяжкая, горькая участь выпадаетъ на долю чахоточныхъ больныхъ, въ особенности если они люди съ недостаточными средствами. Помѣщаются они въ скверныхъ комнаткахъ, часто сырыхъ и холодныхъ; питаются плохо. А нравственное ихъ состояніе еще хуже ихъ матеріальнаго положенія.

Сознаніе, что люди сторонятся отъ нихъ, какъ отъ прокаженныхъ, производить на нихъ угнетающее впечатлѣніе; отношеніе хозяевъ къ нимъ, какъ къ предмету эксплуатаціи, возмущаетъ ихъ; постоянно праздничное настроеніе ялтинской публики и вѣчное шумное веселье, пѣнье и галдѣнье наводитъ на нихъ тоску; бравурная музыка, марши да мотивы изъ «Гейши» раздражаютъ ихъ больные нервы *). Они мечтали о покоѣ, — его нѣтъ; они жаждали чистаго воздуха, — а на нихъ изъ открытаго окна потягиваетъ запахомъ кухни, а въ иной разъ и худшимъ запахомъ. За чистымъ воздухомъ надо куда-то ѣхать, идти... Но взбираться на горы

*) Хочешь — не хочешь, слушай! До одиннадцати часовъ вечера музыка реветъ на весь городъ.

больнымъ не подь силу; ѣхать они также не могутъ, потому что — дорого, не по карману.

Если больной занимаетъ комнатку недорогую (рублей въ 30), да если онъ не можетъ давать много прислугѣ на чай, то положеніе его становится крайне неприятнымъ. На требованія и просьбы «дешеваго жильца» хозяева не обращаютъ никакого вниманія. «Недоволенъ, такъ убирайся!» вотъ и весь сказъ. Прислуга также околачивается около тѣхъ, отъ кого поминутно получаетъ подачки. Такой жилецъ не можетъ подолгу дозвониться, дозваться прислуги; комнату его убираютъ, когда вздумается; онъ по часу ждетъ самовара; ему «забываютъ» налить воды въ графинъ; нужно послать въ аптеку за лѣкарствомъ, необходимо нужно, самъ больной не можетъ идти, а послать некого: прислуга заявляетъ, что «не разорваться же ей». И жилецъ молчитъ, вовсе не желая, чтобы изъ-за него человѣкъ «разорвался...»

Въ половинѣ октября, напр., сюрпризомъ иногда настаютъ холода. Если бы ялтинскіе дома были построены, какъ слѣдуетъ, не по дачному, то, конечно, такой холодъ, какъ 8—9° тепла по Р., можно

бы легко переносить. Но если съ полу дуетъ, отъ оконъ дуетъ, изъ дверей дуетъ, то больному приходится плохо. Онъ надѣваетъ пальто, закутывается въ пледъ, но согрѣться не можетъ. Онъ просить истопить печь.

— Извольте! (за каждую топку 25 коп. — говорить хозяйка *).

— Вѣдь ужъ половина октября... — возражаетъ жилецъ, ежась и дрожа отъ холода. — Когда же вы начнете топить печи?

— Съ перваго ноября!.. У насъ такое положеніе! — заявляетъ хозяйка.

У ялтинскихъ хозяекъ всѣ «положенія» вообще клонятся къ тому, чтобы какъ можно больше — на всемъ, на чемъ можно — обобратить жильцевъ, и нѣтъ ни одного такого «положенія», которое было бы въ интересахъ этихъ несчастныхъ жильцовъ.

— Но вѣдь до перваго ноября я совсѣмъ расхворююсь, замерзну... — говоритъ жилецъ.

*) Пудъ антрацита, которымъ здѣсь топятъ, стоитъ 25 коп.; на топку дается не болѣе 10—15 ф.; слѣдовательно, отъ каждой тонны хозяйкѣ остается отъ 12 до 15 коп.

— Какъ вамъ угодно! Прикажете, — истопимъ...
25 копеекъ!

Жильцу, натурально, вовсе «неудобно замерзать», но и платить за отопленіе дурно устроеннаго помѣщенія — также не входитъ въ его расчеты.

— За что же я буду платить! — защищается онъ. — Чѣмъ же я виноватъ, что у меня комната холодная, что въ ней вѣтеръ ходитъ!..

Хозяйка грозно нахмуриваетъ брови и принимаетъ сердитый, оскорбленный видъ.

— Комната ваша теплая, вѣтеръ не ходитъ по ней!.. — рѣзко замѣчаетъ она. — У насъ домъ такъ выстроенъ, что нигдѣ не дуетъ...

— Я и безъ того плачу за комнату вдвое дороже, чѣмъ она стоитъ... Да еще за топку! — волнуясь и кашляя, говоритъ жилецъ.

— Такъ съѣзжайте, пожалуйста!.. Прошу васъ къ первому числу очистить комнату!

Дверь — хлопъ; аудіенція кончена...

Заболѣй жилецъ, расхворайся, умри, — но хозяйка ни за что не истопитъ печку, если не получитъ такъ страстно желаемыхъ ею двадцати пяти копеекъ...

Больному и безъ того тошно, тоскливо на чужой сторонѣ, безъ родныхъ, безъ близкихъ; мрачныя думы его осаждаютъ; здоровье его не поправляется, не приноситъ ему облегченія крымскій благодатный воздухъ, ради котораго онъ рѣшился истратить свои последние сбереженія, — а тутъ еще мелочныя придирки и непріятности донимаютъ его ежедневно, на каждомъ шагу... Конечно, запоздавшій самоваръ, нежеланіе горничной «разорваться», нетопленная печь — все это мелочи, и мы, здоровые люди, при такихъ невзгодахъ лишь плечами пожмемъ, да потомъ въ кругу друзей добродушно посмѣемся надъ личностью и скаредностью ялтинскихъ хозяекъ. Но на больномъ, измученномъ человѣкѣ и булавочный жезлъ сказывается такъ же болѣзненно, какъ ударъ ножомъ...

Ночью больного мучить бессонница, — и въ эти медлительно идущіе, томительные часы бессонницы больной тяготится своимъ одиночествомъ, чувствуетъ себя несчастнымъ, брошеннымъ, слабымъ и безпомощнымъ, какъ ребенокъ, и готовъ плакать горькими слезами — да порой и плачетъ — о томъ, что онъ «заѣхалъ въ Ялту»... -

Особенно же невыносимо положеніе слишкомъ слабыхъ — опасно больныхъ. Квартирные хозяева смотрятъ на нихъ подозрительно, держатъ ихъ, такъ сказать, подъ негласнымъ надзоромъ, слѣдя за тѣмъ, чтобы этотъ ностоялецъ — «чего добраго!» не умеръ въ ихъ квартирѣ (или на ихъ дачѣ) и бываютъ настолько не деликатны, что даже не скрываютъ отъ больного своихъ опасеній и желанія поскорѣе отдѣлаться отъ него. Ялтннскія хозяйки безжалостны до жестокости. Въ средѣ ихъ встрѣчаются настоящія мегеры — въ образѣ приличныхъ, домовитыхъ буржуекъ...

И если только онѣ замѣтятъ, что больной ужъ очень «плохъ», что имъ остается ужъ недолго высасывать у него деньги, то стараются тотчасъ же какъ-нибудь выжить его съ квартиры. Умирающій, кромѣ больницы, конечно, нигдѣ не найдетъ себѣ пристанища. Случается, что такого бѣднягу цѣлые часы возятъ по Ялтѣ взадъ и впередъ, чтобы найти мѣстечко, гдѣ бы человекъ могъ спокойно умереть. (О подобныхъ случаяхъ, помню, я читалъ даже въ газетахъ, но опроверженій не видалъ).

И не мало больныхъ, возлагавшихъ на Ялту самыя горячія упованія, самыя радужныя надежды, уже давно мечтавшихъ о ней, объ ея чудномъ, всепсѣляющемъ климатѣ и, наконецъ, поѣавшихъ въ нее, схватившихся за нее, какъ за якорь спасенія, — нашли здѣсь себѣ лишь мѣстечко на кладбищѣ. Впрочемъ, должно признаться, видъ съ ялтинскаго кладбища — прекрасный. Туристы считаютъ долгомъ взбираться сюда, на гору, и любоваться видомъ — особенно съ площадки передъ памятникомъ Татаринава... Вся Ялта, какъ на ладони, и горы — эти красивыя крымскія горы...

„И море Черное шумитъ, не умолкая“...

«Позвольте! Такъ нельзя говорить... «Не мало больныхъ умираетъ!» Нельзя утверждать такъ голословно! Должно взять процентное отношеніе... Надо указать, сколько больныхъ умираетъ и сколько выздоравливаетъ... Давайте намъ статистику! Давайте цифры!»

Такъ могутъ возразить мнѣ защитники и защитницы Ялты — въ надеждѣ, что своимъ возраженіемъ они совсѣмъ обезоружатъ меня. Но они меня не обезоружатъ...

У такого небольшого города, какъ Ялта, два большихъ (православныхъ) кладбища, и наполняется эта Божія нива такъ быстро, какъ не могли бы наполнить ее мѣстные обыватели, — принимая въ расчетъ, что никакія опустошительныя эпидеміи, къ счастью, не посѣщаютъ Ялту. Ясно, что оба эти кладбища — городское, ялтинское, и ауткинское — не исключительно, конечно, (потому, что вѣдь и ялтинцы смертны), но преимущественно, главнымъ образомъ, заполняются «пріѣзжими», то-есть, попросту сказать, больными, умирающими въ Ялтѣ *). Объ этомъ говорятъ намъ и кладбищенскіе сторожа (люди компетентные по этому вопросу) и надписи на памятникахъ и крестахъ.

Я прошелъ по ялтинскому кладбищу лишь нѣсколько шаговъ и сразу же попалъ на надписи, свидѣтельствующія о томъ, что подъ тѣми памятниками похоронены люди, умершіе «на чужой сторонѣ»...

*) Разсчитываютъ такъ, что на тысячу человѣкъ „пріѣзжихъ“, похороненныхъ на ялтинскихъ кладбищахъ, мѣстныхъ обывателей приходится менѣе ста человѣкъ... Ялтинское кладбище заполняется съ такою *ужасающею* быстротой, что, вѣроятно, года черезъ 3 или 4 уже придется его закрыть.

Вотъ передо мной памятникъ съ надписью:

«Софья Акимовна Пемова прибыла въ Ялту 30 сентября 1896 г. и угасла въ цвѣтъ лѣтъ на 31 году жизни, 29 декабря 1896 г. Оставила въ своемъ родномъ городѣ Новочеркасскѣ любящихъ ее мужа и милыхъ дѣтокъ».

А вотъ другой памятникъ — и на немъ надпись, нѣсколько неуклюжая, составитель которой слово «дѣвушка» замѣнилъ для чего-то словомъ «дѣва», уже давнымъ-давно исчезнувшимъ изъ нашего литературнаго языка и изъ народной рѣчи:

«Раиса Костенецкая скончалась 21 марта 1885 г., 23 лѣтъ».

«Прохожій, пожалѣй о дѣвѣ молодой, окончившей такъ рано жизнь на чужбинѣ».

Съ фотографическаго портрета, вѣзаннаго въ намятникъ и окаймленнаго овальной бронзовой рамкой, смотритъ доброе, милое лицо молодой дѣвушки, очень скромно одѣтой, съ гладко причесанными волосами; во взглядѣ ея глазъ, и въ лицѣ — выраженіе какой-то необыкновенной душевной ясности и чистоты... И я, прохожій, отъ души пожалѣлъ эту такъ рано догорѣвшую жизнь.

Неподалеку отъ этой могилы я набрелъ на памятникъ со слѣдующей надписью :

«Степан Руданскій, малорусскій поэтъ номеръ року 1873, квѣтня 21, 39 лѣтъ».

„На могилі не заплаче
Ніхто в чужині,
Хиба хмаронька заплаче
Дощем по мені“.

Если бы подольше походить по ялтинскому кладбищу, то подобными надгробными документами можно было бы исписать цѣлыя страницы. А пока довольно... *)

*) Я посѣтилъ на Ауткинскомъ кладбищѣ и могилу недавно умершаго Григорія Александровича Мачтета, и долго, съ грустью стоялъ я надъ этой могилой... Еще такъ недавно, весной, въ майскую бѣлую ночь мы шли съ Григоріемъ Александровичемъ по затихшимъ петербургскимъ улицамъ, возвращаясь домой отъ одного нашего добраго знакомаго. Онъ былъ, повидимому, совершенно здоровъ, былъ полонъ жизни, энергій, плановъ на будущее... И вся эта энергія, всѣ эти планы и замыслы — все моментально разсыпалось прахомъ... — Кладбищенскій сторожъ мнѣ говорилъ, что какъ-то вскорѣ послѣ похоронъ Мачтета его увѣдомили, что могилу будутъ разрывать и анатомировать покойника: „И день сказали, — говорилъ сторожъ, — я и рабочихъ приготовилъ, чтобы раскапывать могилу, но утромъ пришелъ полицейскій и сказалъ, что ничего не будетъ“... — Это предполагавшееся разрываніе могилы и вскрытіе трупа, вѣроятно, было въ связи съ

Сколько изъ числа прѣзжихъ больныхъ выздоравливаетъ въ Ялтѣ (то-есть, у сколькихъ разрушительный процессъ приостанавливается, происходитъ «зарубцованіе»), сколько изъ нихъ умираетъ въ Ялтѣ, я, разумѣется, не знаю. Цыфра — таинственная, вродѣ апокалипсическихъ чиселъ. Ялтинцы не любятъ говорить объ этомъ предметѣ, самымъ рѣшительнымъ образомъ его избѣгаютъ... Ну, да и Богъ съ ней, съ этой кладбищенской статистикой! Ялтинцы не ведутъ счета больнымъ, умирающимъ въ Ялтѣ, не будемъ и мы считать ихъ!.. Да здравствуетъ Ялта! Да здравствуетъ веселье!..

„Зажжемъ огни, нальемъ бокалы,
Утопимъ весело умы
И, заваривъ пиры да балы“, —

тѣми слухами, какіе въ свое время распространились здѣсь по поводу смерти Мачтета: говорили, что будто бы въ одномъ изъ ялтинскихъ ресторановъ Мачтетъ поѣлъ какого-то рыбнаго кушанья, приготовленнаго изъ несвѣжей ирившии. — Могила Мачтета на довольно высокомъ мѣстѣ, у самой дорожки, обложена камнемъ и пока содержится въ порядкѣ. На могилѣ поставленъ большой бѣлый крестъ, на немъ висятъ вѣночки, и на ленталѣ ихъ и прочель: „Тарасъ и Таня своему дорогому папѣ“, „Незабвенному брату и другу“, „Маруся милому дядѣ“... „Отъ почитателей“...

забудемъ о чахоточныхъ, умершихъ въ Ялтѣ, или увезенныхъ изъ Ялты умирающими — иногда по настоянію врача. (Иные врачи тоже охъ какъ не любить тѣхъ пациентовъ, котóрые вдругъ вздумаютъ умирать!).

«Для чего же такіе слабые ѣдутъ въ Ялту! — разсуждаютъ ялтинцы. — Сидѣли бы дома, да умирали бы въ своемъ углу!» — «Да вѣдь всякому охота пожить!» замѣчаютъ имъ. «Мало ли что! А намъ-то развѣ пріятно съ ними возиться! Мы-то чѣмъ же виноваты!.. Мы тоже жить хотимъ!..» и т. д. Да! Ялтинцы тоже хотятъ жить, но жить на чужой счетъ. И со здоровыхъ и съ больныхъ, — и съ разгуля и съ несчастья они получаютъ извѣстный процентъ, и на эти проценты живутъ, накупаютъ земли, строятъ дома и т. д.

«Милая Ялта! Душка Ялта!» съ умиленіемъ восклицаютъ чувствительныя дамы, подъ хмурымъ сѣвернымъ небомъ вспоминая объ Ялтѣ. Ихъ восторгъ и умиленье совершенно понятны.

Климатъ Ялты, какъ уже сказано, прекрасный; мѣстоположеніе ея и ея окрестности живописны; ея южная растительность роскошна, да и самый городъ,

съ его — по внѣшности веселыми, кокетливыми дачками, со стѣнами, увитыми плющомъ или виноградомъ, — можетъ производить пріятное впечатлѣніе, если позабыть объ его темныхъ пятнахъ. Какъ курорту, Ялтѣ еще многого не достаетъ. Для здоровыхъ — для увеселенія ихъ въ Ялтѣ уже много сдѣлано, для больныхъ — для ихъ удобствъ — ничего или очень мало. (Я въ своемъ очеркѣ не говорю ни о санаторіи, ни о пансіонѣ «Дарсанъ» кн. М. В. Барятинской; здѣсь говорится лишь о положеніи больныхъ, живущихъ на частныхъ квартирахъ). Но Ялта можетъ быть, да, вѣроятно, и будетъ когда-нибудь однимъ изъ лучшихъ курортовъ въ мірѣ; тогда она и будетъ выполнять свое прямое назначеніе, указанное ей самою природой.

А теперь Ялта — увеселительное заведеніе для прожигателей жизни, для искателей и искательницъ приключеній, *Café chantant*; роскошно декорированный природой. Теперь Ялта — городъ поразительныхъ контрастовъ, городъ смерти и самого безшабашнаго разгула. Ужасный городъ...

Наступаетъ конецъ октября.

Листья на деревьяхъ желтѣють, падаютъ и устилаютъ землю...

Горячка «сезонной» эксплуатаціи мало-но-малу стихаетъ. Хозяева дачъ, содержатели отелей, ресторановъ, ваннъ, извозчичьихъ экипажей, доктора, лавочники, татары-проводники, швейцары и др. подсчитываютъ свою выручку. «Сезонная» публика попила, поѣла, покутила, поразвратничала — и разсѣялась изъ Ялты, разлетѣлась на всѣ четыре стороны.

А желтые листья падаютъ, падаютъ...

Черное море начинаетъ оправдывать свое прозвище. Море забушевало. Оно позеленѣло, словно со злости; его темно-зеленая волна съ бѣлыми гребнями нескончаемо несется и несется на берегъ и съ шумомъ, подобнымъ пушечнымъ выстрѣламъ, разбиваются о прибрежные камни и о стѣну набережной, обдавая брызгами, какъ дождемъ, еще недавно столь оживленную, теперь безлюдную улицу.

Вершины горъ уже закутаны облаками. Облака ползутъ по горнымъ склонамъ, задерживаясь въ

зіяющихъ трещинахъ ущелій, и низко спускаются надъ Ялгой. На Ай-Петри залегли темно-сизыя тучи; тамъ бушуетъ снѣжная буря, тамъ снѣжные вихри крутятся...

Дачи, еще недавно биткомъ набитыя веселящеюся публикой, стоятъ пустыми. Опустѣли отели, рестораны. Опустѣли парки и сады; тамъ и сямъ у скамеекъ и подъ кустами валяются бумажные мѣшочки изъ-подъ винограда, какъ живое воспоминаніе о томъ времени, когда здѣсь для гуляющихъ «подъ каждымъ кустомъ былъ готовъ и столъ и домъ». По ночамъ вѣтеръ уныло шумитъ въ вѣтвяхъ полуобнаженныхъ деревьевъ... Ни въ городскомъ саду, ни въ Александровскомъ скверѣ уже не гремитъ музыка. Фейерверки и бенгальскіе огни потухли.

«Облетѣли цвѣты, догорѣли огни»...

А желтые листья все падаютъ, падаютъ, и, гонимые вѣтромъ, крутятся въ воздухѣ, летятъ, несутся едаль.

На кладбища возятъ покойниковъ.

На ялтинскихъ кладбищахъ теперь настаетъ страдная пора — и длится она до января.

Ялта загихаетъ, кладбища ея оживляются.

«Сезонная» публика схлынула, оставивъ за собой ряды свѣжихъ многихъ — тамъ, на горѣ, высоко, выше той бѣлой колокольни, что поднимается, какъ призракъ, изъ-за темныхъ кипарисовъ.

Падаютъ, падаютъ желтые листья... Могилъ на кладбищахъ стаетъ все больше, и больше...

И очень многіе изъ людей, покоящихся въ тѣхъ могилахъ, могли бы сказать о себѣ словами приведенной мною надгробной надписи:

„На могилі не заплаче
Ніхто в чужині,
Хиба хмаронька заплаче
Дощем по мені“...

II.

На могилахъ.

I.

Въ ясный и тихій сентябрьскій вечеръ я избрался на Малаховъ курганъ. Отрывки изъ разсказовъ Л. Н. Толстого и другихъ очевидцевъ, многое изъ давно читаннаго и слышаннаго о различныхъ эпизодахъ упорной, жестокой борьбы, происходившей здѣсь полвѣка тому назадъ, пришли мнѣ на память.

Множество разнообразныхъ предметовъ, относящихся къ той эпохѣ, только что утромъ видѣнныхъ мною въ «музеѣ обороны Севастополя» — планы, картины битвъ, портреты, бюсты, вещи, принадлежащія защитникамъ Севастополя, ружья тогдашняго образца — тяжелыя, неповоротливыя, пики, сабли, пистолеты, — все это помогло пробудившимся воспоминаніямъ облечься, такъ сказать, въ плоть и кровь, придало имъ цвѣтъ и краски жизни.

Да и на самомъ Малаховомъ курганѣ сохранилось не мало памятниковъ минувшихъ боевъ — памятниковъ нѣмыхъ, безмолвныхъ, но и въ своемъ безмолвіи поучительно краснорѣчивыхъ — для тѣхъ, кто не только слѣдитъ изъ любопытства за ходомъ историческихъ событій, но и задумывается надъ ихъ тайнымъ смысломъ, скрывающимся иногда подъ грубой или незначительной оболочкой.

Вотъ памятникъ Корнилова, поставленный на томъ мѣстѣ, гдѣ Корниловъ былъ раненъ насмерть. Но тутъ не одинъ вице-адмиралъ Корниловъ; рядомъ съ нимъ, немного пониже, — матросъ Кошка. Корниловъ, падая, протягиваетъ руку, какъ бы еще отдавая приказанія, а матросъ заряжаетъ орудіе. Когда я шелъ по вершинѣ кургана, эти двѣ темныя бронзовыя фигуры еще издали отчетливо, рѣзко обрисовывались на голубомъ фонѣ вечерняго неба... Вотъ мраморная доска — на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ смертельно раненъ Нахимовъ. Пуля попала ему въ високъ. Его бѣлая фуражка съ потертой кокардой и съ левымъ козырькомъ, разорванная съ лѣвой стороны — на високъ, хранится въ музеѣ. Тутъ же, вмѣстѣ съ нею, лежитъ крестикъ, по краямъ опра-

вленный въ золото, сдѣланный изъ осколка черепной кости Нахимова, вынутой при операциі... Вотъ башня, гдѣ лежалъ умирающій Истоминъ съ разможженной головой... Вотъ тамъ и сямъ каменные пирамидки, указывающія, гдѣ во время осады были устроены батареи... Вотъ еще уцѣлѣвшіе рвы и траншеи, но они мало-по-малу обсыпаются и заростають травой... Вотъ небольшой намятникъ изъ бѣлаго мрамора и на немъ надписи: съ одной стороны — «Памяти воиновъ русскихъ и французскихъ, павшихъ на Малаховомъ курганѣ при защитѣ и нападеніи 27 августа 1855 г.»; а на другой сторонѣ — «Воздвигнуть на мѣстѣ деревяннаго креста, поставленнаго французами съ надписью:

8 septembre

1855

Unis pour la victoire,
Reunis par la mort,
Du soldat c'est la gloire*),
Des braves c'est le sort».

Французы, какъ извѣстно, нѣсколько разъ напали на Малаховъ курганъ, пытаясь овладѣть имъ,

*) По ошибкѣ мастера вмѣсто „gloire“ вырѣзано „cloire“.

но отступали съ большимъ урономъ. Особенно былъ силенъ штурмъ на разсвѣтъ 5 іюня, когда 33 тысячи французовъ и англичанъ бросились было уже съ лѣстницами на Малаховъ курганъ, но были отбиты. Наконецъ, 27 августа (на 348 день отъ начала осады) Макъ-Магонъ взялъ штурмомъ Малаховъ курганъ.

За время осады, по расчету Тотлебена, непріятель выпустилъ 1.356.000 артиллерійскихъ снарядовъ и болѣе 28.500.000 ружейныхъ пуль, а осажденные выпустили 1.027.000 снарядовъ и до 17.000.000 пуль. Пороху съ обѣихъ сторонъ сожжено до 500 тыс. нудовъ.

Почти уже полвѣка прошло послѣ того, какъ Малаховъ курганъ и его окрестности заволакивались облаками порохового дыма — когда въ этихъ, нависшихъ надъ нимъ — облакахъ дыма, какъ молніи, сверкала огонь, когда-то слышался на курганѣ сухой трескъ ружейной перестрѣлки, то со свистомъ пролетали надъ нимъ ядра, то разрывались бомбы, и люди падали мертвыми или изувѣченными, и Малаховъ курганъ обгагрался кровью... Слышались крики, стоны раненыхъ, предсмертное хрипѣнье ..

Курганъ уже давно заросъ деревьями, густымъ кустарникомъ, сочная травка зеленѣеть, видны кое-гдѣ цвѣты. Теперь на Малаховомъ курганѣ тихо, только птички чирикаютъ въ кустахъ...

...„Смокли бой!

Тихи Кеанфъ и Симонсъ“...

Бродя по кургану, я встрѣтилъ лишь молоденькаго офицера съ путеводителемъ въ рукахъ; съ нимъ были двѣ барышни, которымъ онъ вполголоса и прочитывалъ изъ книги мѣста, относящіяся къ достопримѣчательностямъ Малахова кургана. Да еще, когда я стоялъ передъ маленькимъ мраморнымъ памятникомъ, посвященнымъ памяти «русскихъ и французскихъ воиновъ», умертвившихъ другъ друга на Малаховомъ курганѣ 27 авг., — къ тому же памятнику подошелъ какой-то мѣщанинъ съ ребенкомъ на рукахъ, очевидно, мѣстный обыватель; за нимъ шелъ мальчуганъ лѣтъ пяти-шести, надо полагать, его же сынишка. Я вслухъ перевелъ французское четверостишіе, начертанное на памятникѣ.

— Да! Много русской крови здѣсь пролито! — промолвилъ мѣщанинъ, поправляя на ребенкѣ

ченчикъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ, на ту пору сбившійся на сторону.

— И французской крови немало! — замѣтилъ я.

— Такъ-то такъ! — согласился мой случайный собесѣдникъ.

Мальчуганъ, услыхавъ отцовскія слова, широко раскрылъ свои голубые глазенки и сталъ пристально озираться по сторонамъ, смотря то на песокъ, то на траву и на кусты. Онъ, казалось, былъ въ большомъ недоумѣннн по поводу того, что если здѣсь *кто то* много крови пролилъ, то отчего же нигдѣ не видать ея, нигдѣ пятенъ нѣтъ — ни на землѣ, ни на кустахъ...

« Подожди, дитя! — подумалъ я, мысленно обратившись къ мальчугану. — Не торопись! Выростешь — и, быть можетъ, не разъ увидишь людскую кровь, проливаемую въ жестокой, братоубійственной бойнѣ... Выростешь — и узнаешь *все ужасное*, что теперь для тебя еще таинственно и непонятно »...

— Только... какъ же это?.. Неужели господинъ, нельзя было столкнуться, чтобы, значить, какъ-нибудь по хорошему? — вопросительнымъ тономъ

проговорилъ мой собесѣдникъ, поглаживая ребенка по головѣ.

Онъ, повидимому, былъ человѣкъ добрый, чувствительный и неглупый.

— Видно, было нельзя... Въ такихъ дѣлахъ иногда трудно столкнуться! — сказалъ я, съ горечью улынувшись про себя при такомъ наивномъ замѣчаніи почтеннаго мѣшанина.

Еще долго при разрѣшеніи международныхъ споровъ будутъ говорить и убѣждать не люди, но пушечныя жерла. Еще долго-долго человѣчество не будетъ «по хорошему», разумно, рѣшать возникающія въ средѣ его недоразумѣнія... да! недоразумѣнія... ибо нѣтъ никакихъ достаточно основательныхъ причинъ для возникновенія войнъ, какъ и для совершенія всякихъ другихъ злодѣйствъ, кромѣ огульныхъ, повальныхъ роковыхъ недоразумѣній, происходящихъ отъ невѣжества, отъ звѣрпныхъ инстинктовъ, еще живущихъ въ человѣкѣ — даже культурномъ, даже въ средѣ цивилизованной, но нашимъ современнымъ понятіямъ...

Здѣсь должно сдѣлать примѣчаніе, — впрочемъ, совершенно частнаго характера и ни мало

не противорѣчащее высказанному въ послѣднихъ строкахъ.

Одинъ греческій мудрецъ сказалъ, что зло есть недоразвившееся добро. А народъ нашъ говорить, что нѣтъ худа безъ добра. Такъ ли это, или не такъ, разбирать здѣсь не мѣсто, но фактъ тотъ, что громъ севастопольскихъ орудій заставилъ пробудиться Россію отъ 30-лѣтней спячки, и мы, побѣжденные на полѣ битвы, оказались побѣдителями надъ нашимъ внутреннимъ врагомъ, несравненно болѣе грознымъ и болѣе опаснымъ, чѣмъ коалиція западно-европейскихъ государствъ. Мы, побѣжденные подъ Севастополемъ, оказались тѣмъ не менѣе въ выигрышѣ: мы выиграли эпоху реформъ, которую стереть со страницъ нашей исторіи и слѣды которой вытравить изъ сознанія и жизни народа уже никому не подѣ силу.

II.

На слѣдующій день я посѣтилъ другую могилу, еще болѣе замѣчательную, болѣе грандіозную, — могилу цѣлаго города, очень большого города, существовавшего задолго до Р. Х., нѣкогда очень богатаго, цвѣтущаго и пользовавшагося большою

извѣстностью въ современномъ ему цивилизованномъ мѣрѣ.

Это — древне-греческій республиканскій городъ Херсонесъ-Таврическій — тотъ знаменитый Корсунь, гдѣ принялъ крещеніе и женился князь Владиміръ Красное солнышко. Этотъ городъ уже давно былъ глубоко погребенъ; цѣлыя столѣтія онъ оставался подъ землей и лишь съ половины XIX вѣка стали его понемногу отрывать. Первый, кажется, графъ А. С. Уваровъ произвелъ значительныя раскопки, но систематически раскопки стали вестись лишь съ начала 90-хъ годовъ, когда завѣдывающимъ этимъ дѣломъ явился г. К. Косцюшко-Валюжничъ, человекъ съ большою эрудиціей и труженикъ неутомимый на пользу науки.

Херсонесъ былъ сильно укрѣпленъ и съ суши и съ моря, въ чемъ насъ убѣждаютъ нынѣ мѣстами уже открытыя толстыя стѣны и башни, сложенныя изъ громадныхъ каменевъ, скрѣпленныхъ какимъ-то цементомъ, въ который въ видѣ составной части, очевидно, входилъ морскій песокъ. И теперь еще изъ этого цемента можно выколупывать ножомъ морскія раковинки, окаменѣвшіе куски дерева,

обломки морскихъ водорослей, кости мелкихъ животныхъ и проч.

Херсонесъ былъ построенъ за нѣсколько столѣтій до Р. Х. греками-переселенцами изъ Гераклен Понтійской. Дома очень маленькiе; улицы — узки, уже многихъ московскихъ переулковъ и тупиковъ.

При раскопкахъ найдены остатки пристани, товарныхъ складовъ, кучи зерна — ржи, пшеницы, проса, найденъ хлѣбъ испеченный нѣсколько вѣковъ тому назадъ; этотъ хлѣбъ, совершенно черный, словно обуглившійся; форма его такая же, какъ и у нашихъ хлѣбовъ. Вообще здѣсь найдено не мало интересныхъ предметовъ — различной домашней утвари, посуды, женскихъ украшеній и, между прочимъ, очень много флаконовъ для духовъ — чрезвычайно разнообразной формы и величины: очевидно, древнiя херсонески не уступали по части кокетства нашимъ современнымъ дамамъ. Выкопана масса амфоръ, вазъ, урнъ съ пепломъ, жжеными костями, множество мелкихъ вещицъ — стеклянныхъ, металлическихъ и изъ кости, нѣсколько художественно исполненныхъ ожерелій, перстней, бусъ, бляхъ, медальоновъ.

Найдены, на примѣръ, золотыя серьги съ подвѣсками, съ цвѣтами и разными фигурками; медальонъ, изображающій бабочку изъ камней, золотой перстень съ массивной печатью, изображающей вооруженную Палладу; серебряное кольцо съ рельефнымъ изображеніемъ Афродиты съ двумя Амурами; костяная булавка съ птичкой наверху; золотое ожерелье съ пряжкой ажурной работы, усыпанной листками, розетками; браслеты; золотая бляха съ изображеніемъ головы Пана; лампы съ изображеніемъ Эрота верхомъ на дельфинѣ; золотая бляха съ изображеніемъ женщины между двумя морскими чудовищами (превосходной ажурной работы); изображеніе голаго воина съ копьемъ и щитомъ, съ длинными и перевязанными волосами, какъ у индѣйцевъ; золотой рожокъ; монеты различныхъ эпохъ; дѣтскія игрушки изъ терракоты; гребни, рыболовные крючки, костяные кубики для игры и т. д.

Для перечисленія всѣхъ находокъ при раскопкахъ нашей крымской Помпеи пришлось бы написать цѣлую книгу. Впрочемъ, должно еще упомянуть о томъ, что за двѣ тысячи лѣтъ до нашихъ дней въ Херсонесѣ былъ уже водопроводъ (чѣмъ и понынѣ еще

не пользуется большинство нашихъ губернскихъ городовъ); затѣмъ въ Херсонесѣ (было общественное отхожее мѣсто, сложенное изъ отесанныхъ камней, очень прочно и старательно, съ сидѣньемъ, вырубленнымъ изъ камня, и съ желобомъ для стока нечистотъ, (а наши — даже весьма значительные — провинціальные города все еще не додумались до устройства подобныхъ номѣщеній).

Херсонесъ въ періодъ своего процвѣтанія, вѣроятно, представлялъ очень оживленную картину. Въ гавани его толпились корабли, на пристани шла разгрузка и нагрузка товаровъ, на площади ораторы обращались къ народу съ рѣчью по поводу различныхъ общественныхъ вопросовъ, ученые читали лекціи херсонесскому юношеству, въ мастерскихъ шла работа, всюду кипѣла дѣятельность, жизнь была ключемъ, шумъ, гулъ стоялъ надъ городомъ. А нынѣ: нынѣ передъ нами — вмѣсто этого дѣятельнаго, бойкаго торговаго города — лишь однѣ развалины, съ трудомъ вырываемыя изъ-подъ земли, груды мусора и камней, песчаные бугры, пустыня... Уже нѣсколько столѣтій тому назадъ замерла здѣсь жизнь, нѣкогда бившая ключемъ. Тихо нынѣ на

херсонесскомъ мысу, — лишь вѣтеръ здѣсь проно-
сится порой; да слышенъ шумъ морского прибоя.

Иностранецъ, получавшій права гражданства въ Херсонесской республикѣ, принося присягу, клялся Зевсомъ, Землею, Солнцемъ, Дѣвою, богами и боги-
нями олимпійскими, что онъ будетъ «единомыслень относительно благосостоянія и свободы города», и гражданъ Херсонеса не предасть, ни владѣній ихъ, но будетъ охранять ихъ для народа; что онъ «не нарушитъ демократіи» и желающему предать — не дозволить, и заговора не утаить, но заявить о томъ «городскимъ деміургамъ»; что «врагомъ будетъ злоумышляющему, и предающему, и склоняющемуся»... И присягавшій заканчивалъ слѣдующимъ заявленіемъ: «Зевсъ и Земля, и Солнце и Дѣва, и боги олимпійскіе, пребывающему мнѣ въ этомъ, да будетъ благо и самому, и роду и моимъ, а не пребывающему — зло и самому, и роду, и моимъ, и да не приноситъ мнѣ плода ни земля, ни море, ни женщины»...

Въ этой присягѣ, прирежденной здѣсь лишь отрывками, заключаются, между прочимъ, три строки — весьма знаменательныя, бросающія свѣтъ на эконо-

мическое положеніе Херсонесской республики, на общій характер ея дѣятельности. Вотъ эти три строчки: «и хлѣба вывознаго съ равнины — не буду *продавать и вывозить въ другое мѣсто съ равнины, но только въ Херсонесъ*».

Очевидно, Херсонесъ былъ городъ почти исключительно промышленный и торговый, городъ цивилизованный, богатый и могущественный по своему положенію и богатству, но въ области, принадлежавшей ему, сельское земледѣльческое населеніе, повидимому, было малочисленно, или земледѣльская культура оставалась въ пренебреженіи и сельское населеніе было поставлено въ весьма невыгодныя условія. Богатый Херсонесъ, дѣятельно занимавшійся обрабатывающей промышленностью и торговлей, испытывалъ сильный недостатокъ въ хлѣбѣ, постоянно нуждался въ ввозѣ его съ равнины, очевидно, населенной племенами земледѣльческими, и, такимъ образомъ, Херсонесъ въ отношеніи продовольствія находился въ нѣкоторой зависимости отъ *равнины*. До чего жгучъ и серьезенъ былъ этотъ вопросъ (о продовольствіи хлѣбомъ), до чего онъ озабочивалъ правительство и гражданъ Херсонесской республики,

можно заключать уже по тому, что гражданинъ, присягая на вѣрность республикѣ, долженъ былъ спеціально клясться въ томъ, что хлѣба на сторону онъ не будетъ продавать, что хлѣбъ съ равнины онъ не повезетъ никуда, *кромя Херсонеса...*

Несмотря на все свое богатство и могущество, Херсонесъ палъ: богатство его оказалось непрочнымъ, могущество его было лишь внѣшнимъ, кажущимся и блескъ его цивилизаціи эфемернымъ — такъ же, какъ могущество и блескъ многихъ другихъ государствъ, ранѣе и позже Херсонеса прогремѣвшихъ въ мірѣ и почти безслѣдно исчезнувшихъ съ лица земли. Херсонесъ палъ потому же, почему пали и великія монархіи Востока — Ассирия - Вавилонская, Персидская, позже — Египетъ, Греція, Карфагенъ, Римъ, Мексика, государство Инковъ... Всѣ эти республики и монархіи неминуемо должны были пасть и пали потому, что были основаны на антисоціальныхъ началахъ рабства и угнетенія массъ.

■ Не римляне и вообще не внѣшніе враги были виновниками паденія Херсонеса, Персидская монархія пала не оттого, что Дарій проигралъ сраженіе при Иссъ и при Арбеллахъ; не римскіе орлы

заклевали Грецію, Египеть, Карфагенъ — и не орды сѣверныхъ варваровъ сломили Римъ. Конечно, нѣтъ!.. Начала, на которыхъ были основаны и существовали всѣ эти государства древности, уже въ самихъ себѣ носили задатки разложенія и смерти. Эллада въ нравственномъ и социальномъ отношеніи была уже мертвецомъ, когда нахлынули на нее сначала македоняне, а потомъ римляне. Германцы стали наступать на Римъ, когда тотъ былъ уже при послѣднемъ издыханіи.

Непріятельскія нашествія, полагавшія — повидимому — конецъ существованію того или другого государства, въ дѣйствительности были лишь послѣднимъ ударомъ, нанесеннымъ историческою Немезидой безнадежно больному, минуты котораго и безъ того были уже сочтены. И всѣ государства, основанныя на принципахъ рабства и угнетенія, должны рано или поздно придти неминуемо къ тому же, къ чему пришли всѣ монархіи и республики древности: логика историческихъ событій не знаетъ уступокъ и компромиссовъ.

Съ древнѣйшихъ временъ Таврической полуостровъ обильно орошался, человѣческой кровью. Изъ - за этого благодатнаго уголка земли народы ожесточенно боролись. Скиѣы, тавры, греки, римляне, гунны, авары, татары, генуэзцы, турки — поочередно смѣняли другъ друга. Наконецъ, русскіе въ концѣ XVIII вѣка завладѣли Крымомъ...

Возвращаясь изъ Херсонеса въ Севастополь, я невольно подумалъ: какой же народъ въ отдаленномъ будущемъ смѣнитъ на Таврическомъ полуостровѣ, славянскую расу? Вѣдь ничто не вѣчно подлунною... Что рождается, то и умираетъ; что расцвѣтаетъ, — увядаетъ. И миѣ пришли на память слова шекспировскаго Просперо:

„Когда-нибудь, повѣрь, настанетъ день,
И всѣ эти блестящія видѣнья,
И храмы, и роскошные дворцы,
И тучами увѣнчанныя башни,
И самый нашъ великій шаръ земной
Со пѣсмъ, что въ немъ находится по нынѣ,
Исчезнетъ все, слѣдовъ не оставляя“.

К О Н Е Ц Ъ .